ГП 15.01.14 №5

«Гродзенская праўда» продолжает авторский проект «Возвращение имен» (начало в №66 за 12 июня, № 77 за 10 июля, №92 за 14 августа, №110 за 25 сентября, №133 за 20 ноября 2013 года). На страницах «толстушки» мы рассказываем интересные факты из жизни деятелей культуры, чьи имена громко звучат во всем мире, но редко произносятся на малой родине – на Гродненщине. Помощь читателей в «открытии» новых героев приветствуется! Звоните в редакцию по телефонам: 74-41-86, 8 (029) 788-77-37 или отправляйте электронные сообщения по адресу: antonova_avangard@mail.ru.

Гродненец с бульвара Монпарнас

В Гродно родился и жил один из наиболее ярких «французских» художников XX века – Осип ЛЮБИЧ.

МАЛОЗНАКОМЫЙ ХУДОЖНИК

Интернет-пространство мало осведомлено об Осипе Любиче. Его страницы нет в Википедии, те же сайты, что «знакомы» с художником, немногословно вторят друг другу: «Родился в 1896 году в Гродно в семье кузнеца Моисея Любича, учился в семиклассной мужской гимназии». Крайне редко имя гродненца звучало в печатных СМИ. Впрочем, до недавнего времени его не то что в родном городе, во всей республике знали лишь ценители. Ситуацию изменил арт-проект «Художники Парижской школы из Беларуси», инициированный Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО и Белгазпромбанком. Около года руководство банка участвовало в аукционах, вело переговоры с владельцами частных собраний, художественных галерей с целью представить на родине живописцев, которых во всем мире называют «французскими»... В итоге корпоративная коллекция вобрала более пяти десятков набросков и картин семи выходцев из Беларуси и стала одной из самых крупных в Восточной и Центральной Европе по числу работ мастеров Парижской школы. Многие из приобретенных произведений искусства в 2012 году были включены в республиканский список историко-культурного наследия. В том числе картины Осипа Любича «Сена в Париже», «Цветы», «Танцовщица с тамбурином», «Автопортрет с моделью».

КЛАРНЕТ ИЛИ КИСТИ?

Легко ли родившемуся в Гродно Осипу Любичу было стать французом? Можно лишь предполагать. Дочь художника Дина Любич, библиотекарь Сорбоннского университета в интервью газете «Беларусь сегодня» рассказала: *«Отец хорошо играл на разных инструментах. Когда был маленьким и начинал рисовать, даже выбирал между музыкой и живописью. Живопись победила. Хотя дома до сих пор хранятся кларнет отца, его скрипка»*. Судя по всему, гродненский кузнец Моисей Любич был не против увлеченности сына искусством. Но все же таланту юного мастера было непросто развиться. В начале XX века художественные школы лишь начинали создаваться в Беларуси, и то в Минске. Академии художеств Москвы и Петербурга практически были закрыты для евреев из-за ценза на прием в них. Он был равен нескольким процентам, и только единицам, как, например, Льву Баксту удавалось пройти курс обучения. Потому-то самые устремленные отправлялись на учебу в Вильнюс, Варшаву, Одессу. В Одесское художественное училище поступил осенью 1915 года и Осип Любич. С того момента он больше не бывал в родном городе. В 1919-м переехал в Берлин, где вместе с художниками Павлом Челищевым и Иваном Пуни, художником-кинематографистом Лазарем Меерсоном работал над оформлением интерьеров театров и кинотеатров. А через четыре года гродненец получил заказ на оформление парижского кабаре Chateau des Carpathes и, не раздумывая, перебрался в культурную Мекку всей Европы.

ПАРИЖСКИЙ «ЦИРК»

Двадцатые годы прошлого столетия были для Парижа непростыми. Только отгремела Первая мировая война, немцы хоть и не дошли до столицы, но серьезно испытали ее жителей, в том числе творческую элиту. От удара осколком в голову скончался поэт Гийом Аполлинер, писатель Сандрар лишился правой руки, менингит унес жизнь художника Амедео Модильяни. Десятки других талантливых парижан, в том числе белорусы Кикоин, Сутин, Кремень, голодали и полностью зависели от благодетелей, но не могли не творить. Одним из первых в мирные годы стал оживать именно рынок искусства. *«В Париж потянулись американцы, которые были теперь намного состоятельнее обнищавших за войну европейцев и не думали о том, где раздобыть денег и куда их выгодно вложить*, – писал в книге «Художники Парижской школы из Беларуси» Владимир Счастный. – *Художники, которые в годы войны страдали от нищеты в своих мастерских, были на пороге богатства и славы»*. Сполна коснулась она и прибывшего в Париж Осипа Любича. В 1925 году по рекомендации скульптора Эмиля Бурделя он выставил свои работы в Салоне Тюильри, в 1926 году – в Осеннем салоне. Участвовал в групповых выставках русских художников в галереях Dominique, Zak, L'Epoque, D'Alignan, Quatre Chemins, выставках «Парижские художники. 1925-1935», проходивших в Брюсселе, Цюрихе, Лиможе, Лондоне. В 1934 году гродненец выпустил альбом офортов «Цирк».

– Цирк – это была любимая папина тема, – делилась Дина Любич. – Он часто водил меня туда. Особенно мы любили маленькие бродячие труппы, которые выступали во дворах, на улицах.

ПОД ЖЕЛТОЙ ЗВЕЗДОЙ

Осип Любич прожил долгую жизнь – 94 года. Но иначе как чудом его спасение во Вторую мировую войну не назовешь. Когда нацисты захватили Париж, всем евреям было приказано пройти регистрацию. Художник ослушался: понимал, что его ждет. Всю войну помогал Сопротивлению, принимал в мастерской знакомых с нашитыми на одежду желтыми звездами, пока сосед в 1944 году не донес об этом в гестапо.

– Он хотел заполучить папину мастерскую, догадался, что отец мой, наверное, еврей, раз друзья у него евреи. Ведь фамилия Любич в Париже не воспринималась как еврейская, скорее как югославская, – вспоминала Дина Любич.

Перед отправкой в транзитный лагерь Дранси художник успел взять с собой кисти и бумагу. Был уверен, что сделает там свои последние работы: из Дранси эшелоны уходили в Освенцим. Много писал, разумеется, тайно. Но через три месяца союзники освободили лагерь, и Осип Любич остался жив. Позже он передал рисунки, сделанные в лагере, мемориальному комплексу в Иерусалиме «Яд-Вашем». Кое-что из тех работ супруга Осипа Любича французская художница Сюзанна Бульбуар подарила Вашингтонскому музею. В брак Осип и Сюзанна вступили после войны. Ему было уже за сорок, ей – около двадцати.

БАЛЕРИНЫ, АРЛЕКИНЫ, УЛОЧКИ

– Хотя мама тоже была художницей, конкуренции у них с папой не помню, – отмечала Дина Любич. – Она работала в своей мастерской, папа – в своей. Каждое лето мы ездили на море, папа с мамой там рисовали, но рядом мольберты не ставили, расходились в стороны.

Жила творческая семья в Париже на улице с украинским названием d'Odessa.

«Там, в своем ателье он (Любич – **прим. авт.**) *писал балерин в пачках, к нему приходили модели, он переносил на холст многое из того, что было зарисовано им с натуры и хранилось в больших тетрадях – привлекавшие его цирковые сцены или задумчивых арлекинов*, – рассказывал в 1981 году в газетной публикации писатель Александр Бахрах. – *Завораживало его и серо-жемчужное предсумеречное парижское небо, берега Сены или Марны, вернее те их отрезки, которые можно было писать трезвыми, будничными красками. Более пестрые тюбики Любич придерживал для натюрмортов с пышными цветами и сочными «плодами земли» или для кривых и горбатых улочек Прованса, пропахших чесноком и лавандой»*.

Художник выставлял свои работы едва ли не во всех больших Салонах, а вот на индивидуальные выставки в Париже соглашался редко. Проводил их в Лондоне и Нью-Йорке, Милане и Амстердаме, Цюрихе и Тель-Авиве. И, надо сказать, повсюду находил ценителей. Были они и среди коллег.

– У отца была дружная компания приехавших из Беларуси, Германии – Иван Пуни, Ксения Богуславская, Хаим Сутин, Пинхус Кремень... Обычно встречались где-то в пять часов в кафе на Монпарнасе, – вспоминала Дина Любич. – Собирались художники и в мастерской отца. Иногда появлялся Марк Шагал.

В ГАРМОНИИ С СОБОЙ

«Любич работал, в буквальном смысле, не покладая рук, и я не знаю, отрывался ли он когда-либо от своего карандаша или своей палитры. Работал он всегда с непроходящим горением, которое тщательно хранил про себя, нередко принимая позу равнодушия. Может быть, эта «скрытность» (не могу подыскать более подходящее слово) происходила оттого, что в его характере была немалая доля застенчивости, и во всяком случае его кажущаяся пассивность не была деланной, она была врожденной», – писал Александр Бахрах.

Не обошла стороной «скрытность» отца и Дина Любич:

– Что поделать – такой был характер у папы, замкнутый. Он любил творить в тишине, не терпел зрителей. При этом, когда писал на пленэре, е нравилось, когда его окружали дети, что-то спрашивали, кричали: «Ой, как похоже!». Отец вспоминал, как ему было трудно рисовать, когда учился в Одессе, потому что почти не оставался один.

Скромный и нешумливый по природе Осип Любич не спорил с коллегами о творчестве, не шел на компромиссы в живописи, сторонился в ней «моды». Современные течения его не увлекали, хотя дружил со многими из тех, кто предпочитал абстрактное искусство. Всегда был готов прийти на помощь товарищам, даже когда в собственных карманах не было излишков. А еще очень любил музыку, как мало кто из художников. Часто ходил на концерты и общался с композиторами. Почти музыкальная гармоничность, отмечают критики, присутствует и на холстах Осипа Любича.

СТАРЫЙ ЗАМОК ЗНАЕТ

Вспоминал ли «французский» художник о Беларуси и Гродно? Хочется верить, что да.

– Папа был большим патриотом далекой родины. Читал Гоголя и Пушкина. Когда Гагарин полетел в космос, так радовался! Хорошо говорил по-русски, меня научил. Рассказывал, как в детстве часто помогал крестьянам читать письма, писал что-то по их просьбе, – вспоминала Дина Любич.

В октябре 2012 года накануне открытия в Национальном художественном музее выставки «Художники Парижской школы из Беларуси» дочь живописца побывала в Гродно.

– Я обратилась к местным архивистам, чтобы разыскали, где жила семья Любич. Отец собирался рассказать подробнее, когда я буду старше... Так и не рассказал. Знаю только, что дом стоял где-то возле Старого замка. У отца были сестра Дина и брат Даниэль, они уехали в Америку, в Филадельфию.

Кто знает, приведет ли еще судьба потомков знаменитого земляка в наш город. Но и без того его имя должно зазвучать в Гродно.

– Белорусам есть чем гордиться, – уверен председатель правления Белгазпромбанка Виктор Бабарико.

Пока гродненцам не посчастливилось увидеть уникальную корпоративную коллекцию. Но хотя бы заочно познакомиться с ней можно на сайте «Художники Парижской школы из Беларуси» http://www.belgazpromart.by.

Анна АНТОНОВА

ГП 9.04.14 №91

«Гродзенская праўда» продолжает авторский проект «Возвращение имен» (начало в №66 за 12 июня, № 77 за 10 июля, №92 за 14 августа, №110 за 25 сентября, №133 за 20 ноября 2013 года, №5 за 15 января 2014 года). На страницах «толстушки» мы рассказываем интересные факты из жизни деятелей культуры, чьи имена громко звучат во всем мире, но редко произносятся на малой родине – на Гродненщине. Помощь читателей в «открытии» новых героев приветствуется! Звоните в редакцию по телефонам: 74-41-86, 8 (029) 788-77-37 или отправляйте электронные сообщения по адресу: antonova_avangard@mail.ru.

Скромный и колоссальный Кремень

В городском поселке Желудок Щучинского района родился один из ярких представителей Парижской школы, творивший одновременно с Пабло Пикассо, Марком Шагалом и Хаимом Сутиным, – Пинхус Кремень.

ИЗ ЖЕЛУДКА В ПАРИЖ

На нелегальный переход границы с Германией двадцатидвухлетний Пинхус решился не сразу. В бедно обставленной комнатке в Вильно (современный Вильнюс Литовской Республики) взвешивал «за» и «против». Что ждет его, еврейского юношу, в Российской империи? В Санкт-Петербург и Москву путь заказан. Можно вернуться на родину.

Желудок, где сельчане по сей день добрым словом отзываются об отце-ремесленнике. Но одно дело предлагать им резные украшения для деревенских изб и совсем другое – скульптуры. Нет, не поймут земляки, для чего три года в Виленской художественной школе учился. В Вильно оставаться тоже не дело. Город хоть и признанная культурная столица региона, но уж больно консервативен в своих художественных пристрастиях. То ли дело Париж! Там художники давно забыли о реализме, с головой окунувшись в импрессионизм, кубизм, супрематизм, дадаизм.

Как добраться до французской столицы без паспорта с несколькими рублями в кармане? Только тайно. Глядишь, повезет, а там и школьных товарищей Михаила Кикоина из Гомеля и Хаима Сутина из Смиловичей эдтянуть можно будет. Не зря ведь он, Пинхус, самый взрослый из их «виленской троицы»: должен заботиться о младших и дорогу пробивать.

«УЛЕЙ» В ТРИ ЭТАЖА

Когда вышел в Париже из поезда, на ломаном французском Пинхус только сумел сказать: «Passage Dantzig». Больше не знал. Да и не нужно было. В начале прошлого века любой парижанин мог безошибочно определить, для чего в город прибыл очередной скромно одетый иностранец. Ищущие себя и хоть какой-то доход художники-новаторы едва ли не со всего света слетались в «Улей». Почему? Потому что в восьмиугольной ротонде с крышей, напоминающей китайскую шляпу, можно было за сущие копейки снять угол в придачу с залом для занятий и услугами натурщицы. Кому это было выгодно? Никому. Кому интересно? Преуспевающему скульптору Альфреду Буше. Он еще в 1900-м году на Всемирной выставке в Париже обратил внимание на павильон знаменитых вин «Бордо» авангардного вида. Когда тот стали разбирать, купил и перевез в тупик Данциг. Думал использовать как хранилище для своих работ, пока не пришла идея разбить здание на мастерские и сдавать молодым художникам. В мечтах рисовался своего рода город в городе, где талантливые постояльцы могли бы жить и работать в атмосфере полной творческой гармонии. На деле ротонда со 140 студиями-ателье быстро стала походить на трущобы. В здании не было электричества и отопления – художники работали только при дневном свете, обогревались у самодельных печей, которые топили чем придется. Первыми новые работы «оценивали» крысы и тараканы. Но будущих гениев это мало беспокоило! Благодушный Буше часто прощал им долги. А парижский флер кружил голову посильнее благополучия.

ПАРИЖСКИЕ «ШКОЛЬНИКИ»

За многочисленность постояльцев «Улья» в Париже быстро прозвали пчелами. За его же пределами стали говорить о представителях Парижской школы. Сегодня многие точно скажут, что термин в 1920 году ввел критик Андре Варно, но, как и сто лет назад, далеко не все смогут с точностью определить, кого он объединял. Пабло Пикассо из Испании, Амедео Модильяни из Италии, Кес ван Донген из Голландии, Моисей Кислинг из Польши, Жюль Паскин из Болгарии, Диего Ривера из Мексики, Леонар Фужита из Японии, Маревна из Российской империи – вот лишь двадцатая часть тех, кто творил в прошлом веке в столице Франции. Интернациональная братия ни дня не была движима общими художественными целями, не обладала одинаковым или хотя бы близким творческим почерком. Единственное, что роднило, – стремление к свободному поиску и профессиональному общению. Вслед за Пинхусом Кременем нашли его в Париже и Михаил Кикоин, Хаим Сутин.

«Неизменно в самом темном углу сидели Кремень и Сутин, – написал о завсегдатаях кафе «Ротонда» в 1960 году в книге «Люди. Годы. Жизнь» советский писатель Илья Эренбург. – *У Сутина был вид перепуганный и сонный; у него были глаза затравленного зверя, может быть, от голода. Никто на него не обращал внимания. Можно ли было себе представить, что о работах этого тщедушного подростка будут мечтать музеи всего мира?»*.

В КОЛЛЕКЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО

Действительно, еще при жизни невысокий и худой, неуклюжий Хаим Сутин стал в разы популярнее товарищей из «виленской троицы» и других представителей Парижской школы. Ему единственному на Монпарнасе установили памятник. Но было это через много лет после того, как ночью в июле 1913-го впервые постучался в мастерскую Пинхуса Кременя в «Улье».

«Сутин готов был сокрушать все, что критиковал Кремень», – вспоминала художница и мемуаристка Маревна о влиянии на Сутина нашего земляка. Можно предположить, что на правах старшего он помогал Хаиму не только морально, но и материально.

«Обитатели «Улья» не падали духом. Если кому-то удавалось продать картину, для всей компании организовывался пир, который сопровождался веселыми песнями, розыгрышами и бесконечными спорами об искусстве, – отмечает в книге «Художники Парижской школы из Беларуси» Владимир Счастный. – *Говорят, Шагал, Цадкин и Кремень были слишком заняты творчеством, чтобы напиваться и транжирить деньги»*.

В первые парижские годы Пинхус всего себя отдавал скульптуре. В 1914 году даже выставил три работы в Салоне независимых. Однако это увлечение быстро прошло под влиянием импрессионистов, в первую очередь Ван Гога и Поля Сезанна. Начиная с 1916 года, Пинхуса можно было часто встретить в монпарнасских кафе в компании живописцев и графиков Андре Дерена, Мориса де Вламинка, Мориса Жакоба. Постепенно его картины в духе умеренного экспрессионизма стали покупать известные коллекционеры Поль Гийом, Леопольд Зборовский и большой ценитель искусства комиссар полиции Леон Замарон.

ЖИЗНЬ БЕЗ ЗАПЛАТ

В 1917 году Кикоин и Сутин открыли для себя пейзажи и краски Сезанна в городах Канны и Сере. Ровно через год юг Франции буквально покорил Пинхуса Кременя. Сере в одночасье стал его любимым местом на Земле, куда постоянно возвращался как в мыслях, так и наяву. В двадцатые годы Кремень много путешествовал. Побывал на Корсике, на некоторое время задержался в Каннах, посетил Скандинавию. Впечатления от поездок, разумеется, легли на холсты. Они выставлялись в Осенних салонах (1921, 1922, 1924), галерее Тюильри (1924, 1925, 1926). Персональные выставки художника постоянно проходили в парижских галереях «Жак Поволоцкий» (1919), «Ла Ликорн» (1922), «Шампиньи» (1925), «Ван Леер» (1927, 1929, 1931). Но известность не вскружила Пинхусу голову.

«Скромный и колоссальный Кремень», – так охарактеризовал художника один из его современников. Похоже, эти качества сыграли решающую роль в отношениях с Сутиным.

«Когда же художники финансово окрепли и стали носить брюки без заплат, оставшийся без гроша в кармане их портной заболел туберкулезом, – рассказывает в своей книге Владимир Счастный. – *Кремень продал одну из своих картин, отдал деньги бедняге и пришел к Сутину с предложением сделать то же самое. Хаим долго уходил от разговора, но под натиском Кременя все-таки пообещал дать ему картину. Портной в тяжелом состоянии несколько раз приходил за обещанным, но так ничего и не получил. После этого Кремень надолго прекратил всякие контакты с бывшим приятелем»*.

«СМОТРИТЕ САМИ!»

Пинхус Кремень прожил 91 год. За этот долгий период судьба не один раз благоволила художнику. Он пережил в Париже Первую мировую войну. В 1923 году женился и вскоре стал отцом. В жестокие сороковые, когда сотни тысяч соотечественников погибли, спасся в Тюренне, что в департаменте Коррез. Скрывался в доме деревенского жителя, наравне с крестьянами работая в поле. Одна из тулузских галерей снабжала Кременя красками, чтобы он мог писать. За тяжелой физической работой мечтал не о многом: чтобы остались живы жена и сын, чтобы сохранились его работы. И лишь изредка мыслями возвращался в Сере. В ту пору художник и представить не мог, что в 1960 году купит в солнечном городке участок земли и построит на нем дом-мастерскую. С годами недалеко от него «пропишется» Музей современного искусства, где среди полотен Матисса, Пикассо, Шагала, Сутина будут и несколько картин Кременя.

«Замеченный в Париже еще в 1916 году самыми известными маршанами, Пинхус Кремень не потерял голову от успеха, а предпочел тишину и уединение в своей мастерской. Естественно, это не способствовало широкой славе. По словам современников, для художника сюжет мало что значил и служил лишь поводом для соприкосновения с реальностью. Он не любил говорить ни о живописи, ни о своих работах. «Смотрите сами!» – отвечал он, уходя от разговора на эту тему. Кремень всегда держался на расстоянии от модных течений, никогда не всплывал на гребне новой художественной волны, его творчество основано на умиротворенности покоем. По мнению критиков, картины Кременя излучают свой собственный, характерный только для этого художника свет», – заключает в своей книге Владимир Счастный.

При жизни Пинхуса Кременя его персональные выставки не раз проходили в Париже, Лондоне, Филадельфии, Лозанне, Женеве и других городах. В 2005-м несколько работ экспонировались в Москве в антикварно-художественной галерее «Улей», названной в честь легендарного общежития художников. А не так давно благодаря арт-проекту «Художники Парижской школы из Беларуси», инициированному Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО и Белгазпромбанком, картины Пинхуса Кремена появились и на родине. Семи из них – «Автопортрет», «Большой натюрморт в зеленых тонах», «Клетка, птицы и рыбы», «Малый натюрморт», «Пейзаж в Сере», «Сидящая женщина», «Цветы в кувшине» – присвоен статус историко-культурной ценности Республики Беларусь.

Анна АНТОНОВА